Лисичка-сестричка и волк (Русская сказка)

1.

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

— Вот будет подарок жене, — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привёз я тебе на шубу.

— Где?

— Там, на возу, — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

— Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идёт волк:

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманёк!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам, да и ешь.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила; ты, куманёк, ступай на́ реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк пошёл на́ реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

— Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь! — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

— Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, кумушка!

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, куманёк, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и понёс. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит:

— Битый небитого везёт, битый небитого везёт.

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманёк, говорю: битый битого везёт.

— Так, кумушка, так!

— Давай, куманёк, построим себе хатки.

— Давай, кумушка!

— Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную.

Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.

— А, кумушка! — говорит волк. — Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть.

— Пойдем, куманёк, ещё поконаемся, кому-то кого достанется есть.

Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит:

— Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму — тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть.

Волк прыгнул и попал в яму.

— Ну, — говорит лисичка, — сиди же тут! — и сама ушла.

Идёт она, несёт скалочку в лапках и просится к мужичку в избу:

— Пусти лисичку-сестричку переночевать.

— У нас и без тебя тесно.

— Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает:

— Где же моя скалочка? Я за неё и гусочку не возьму!

Мужик — делать нечего — отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идёт и поёт:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику.

— Кто там?

— Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У нас и без тебя тесно.

— Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала её, съела и говорит:

— Где же моя гусочка? Я за неё индюшечку не возьму!

Мужик — делать нечего — отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идёт и поёт:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к третьему мужику.

— Кто там?

— Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У нас и без тебя тесно.

— Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку.

Её пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала её, съела и говорит:

— Где же моя индюшечка? Я за неё не возьму и невесточку!

Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила её в мешок, идёт и поёт:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,

За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвёртому мужику.

— Кто там?

— Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У нас и без тебя тесно.

— Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку.

Её пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идёт и говорит:

— Невесточка, пой песни! — а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит:

— Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жён, ты завсегда грешон.

Петух слез; она хвать его и скушала.

2.

Ехал лесом мужичок со снетками. Лисица накрала снеточков у мужика, склала в кувшинчик, да и села под стог пообедать. Бежит голодный волк.

— Кума, кума, что ты ешь? — говорит он, увидав лису.

— Снеточки, — отвечает она.

— Дай-ка мне!

— Сам налови.

— Да я не умею, — говорит волк.

— А вот кувшин, надень на хвост, да и пусти в прорубь.

Послушался волк, а лисица говорит про себя:

— Ясни, ясни на небе звёзды! Мёрзни, волчий хвост!

Сама побежала в деревню, попалась в одной избе в квашню головой и подняла тревогу. Бежит лисица из деревни прямо на волка, а за лисицей народ. Волк от страху ну рваться, а хвост-от примёрз; насилу полхвоста оторвал. Нагоняет волк лисицу в лесу, а та прикинулась хворой.

— Ах, кум! — говорит. — Всю головушку избили, мочи нет идти.

— Так садись, кума, на меня, — говорит волк.

Вот и едет лисица на волке, сама попевает:

— Битый небитого везёт!

— Что ты, кума, говоришь? — спрашивает волк.

— Брежу, куманёк! — отвечает лисица, а сама, воровка, допевает:

— У битого гузка болит!

Вот те сказка, а мне кринка масла.

3.

Вот в одной деревне на задворье стояли зимой стога сена, и на один из них взобралась лисица; она промыслила где-то рыбки и кушала себе. Тут же случилось проходить ночью волку. Он увидал лису и сказал ей:

— Здорово, кумушка!

— Здравствуй, куманёк, — отвечала она.

— Что ты ешь?

— Рыбку.

— Да где ты взяла?

— Наловила в пруде.

— Каким бы то способом?

— Коли хочешь, научу.

— Спасибо скажу.

— Ну, пойдём.

И повела кума к проруби:

— Вот садись и хвост опусти в воду, а рыбка и всползёт на него греться.

Кум сел и хвост опустил в прорубь, а кума ворчит:

— Ясни, ясни на небе! Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— Да что ты, кума, говоришь?

— И, батько, скликаю рыбку-то тебе.

— Ну, спасибо!

Когда лиса увидела, что прорубь замёрзла, она сказала:

— Побегу в деревню за мёдом.

Побежала, и след её простыл. А обманутого волка с примёрзлым хвостом увидали на пруде мужики и убили его. Я там был, мёд пил, по усам текло, да в рот не кануло.

4.

Был себе дед и баба. У деда был петушок, а у бабы курочка. В один день пошли они на смитьячко поискать себе пищи; петушок нашёл пшеничный колосок, а курочка нашла маковку. С этого колоска дед вымолотил зерно, смолол муку; а баба, вычистивши маковку, растёрла мак, смешала с мёдом и с дедовой муки сделала пирожок с тёртым маком и, за неимением, по бедности, печки и огня, положила тот пирожок на окне своей избушки, чтобы на солнышке испёкся.

В то время проходила лисичка с волчиком. Лисичка и говорит:

— А что, волчику-братику, украдём этот пирожок и разделим его между собою по-братски.

— Хорошо, лисичка-сестричка, украдём.

Лисичка украла. Отошедши в сторонку, она заметила, что будто бы пирожок ещё не допекся и что для этого надобно ему ещё пожариться на солнышке.

— А мы между тем уснём, а проснувшись, смачненько позавтракаем.

Так улещала лисичка волчика-братика, который вскоре и уснул. Она в то время к пирожку, разломила, сладкую начинку съела, а туда наклала… с позволения сказать — сами догадаетесь чего… и, залепив, положила. Волчик проснулся, и лиса за ним. Принялись делиться пирожком, и первая лиса заметила, что не та уже в пирожке начинка, и напустилась на волка. Волк божится, клянётся, землю ест, — куда? лиса не верит. Наконец предлагает испытание: лечь обоим против солнца, и у кого от жару выступит на теле воск, тот и съел мёд. Согласились.

Волчик беспечно уснул, а лиса побежала в ближнюю пасеку, украла сот, съела, а вощинами всего волка облепила. Проснувшись и быв изобличён, волк повинился, что он и сам не помнит, как это случилось, но после такого ясного доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добыче не иметь ему в ней доли, а всю уступить лисе. Вот и разошлись в разные стороны для промыслу.

Лисичка, завидев, что идёт фура чумаков, легла на дороге, разметалась будто неживая и начала подфунивать изо всей мочи. Чумаки её завидели и сочли сначала живою, но, подойдя ближе, когда услышали, что за несколько шагов она так сильно смердит, закричали:

— Вона здохла, бачь, як воня́! — и, взяв её, положили на воз с рыбою.

Первое дело её было — прогрызть у воза лубки, и потом начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу с воза, подобрала всю рыбу в кучу и начала преисправно её кушать.

Волк, побродивши везде, без успеха возвращался на сборное место и увидел лису за таким роскошным пиром.

— Лисичка-сестричка! Дай мне хоть маленькую рыбку…

— О волчику-братику, налови себе, как и я наловила, да и ешь сколько душе угодно!

— Лисичка-сестричка! Дай мне хоть головку.

— О волчику-братику, ни косточки. Я утомилась, пока её наловила, и очень голодна.

— Где, как и чем ты её наловила?

— Самая безделица! Вон недалеко река; иди туда, вложи хвост в прорубь, сиди и приговаривай: ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика! Потом выдерни хвост, то увидишь, сколько вытянешь рыбы.

Как уже лиса кончила свой обед, то и взялася довести его до проруби. Волк вложил свой хвост и начал приговаривать:

— Ловися, рыбка, и мала и велика! — а лиса, бегая около него, приговаривала:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— То я тебе помогаю, — а сама поминутно твердит:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк скажет:

— Ловися, рыбка, и мала и велика! — а лиса:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк опять:

— Ловися, рыбка, и мала и велика! — а лиса:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— То я тебе помогаю!

Волк уже хочет вытянуть свой хвост из проруби, но лиса запрещает:

— Погоди, ещё мало наловилось!

И опять начинают они приговаривать. Волк только что попробует вытащить хвост, а лиса ему:

— Погоди, ещё рано! — и как тогда был мороз такой, что аж скалкы скачут, то лиса, разочтя время, закричала на волка:

— Тяни!

Он потянул, но не тут-то было! Хвост его замёрз в реке, и волк не мог освободить его, и сам остался на месте.

Тогда лиса благим матом побежала в село и начала кричать:

— Сюда, люди! Спешите бить волка, примёрз к ополонке!

Все бросились на волка: мужчины с дубинами, с топорами, бабы с гребнями, с днищами, все на волка; били его, били, колотили до того, что волк не пожалел и хвоста, оторвал его и куцый побежал куда глаза глядят. Как же все люди бросились к нему на лёд, то один мужик покинул даже и сани свои с лошадью. Волк, набежав на них, вскочил в сани, начал погонять лошадь и таким образом выбрался из села.

А лиса среди общей суматохи, когда все бросились бить волка, вскочила в пустую избу, увидела квашню с тестом, вскочила в неё, вы́ляпалась в тесто, побежала на дорогу и легла. Недалеко за селом увидел волк на дороге лисичку-сестричку избитую, израненную и едва живую. С большим участием бросился он к ней, и она начала жаловаться, что и её так больно прибили, что мозг изо всех костей повыступал.

— Крепись, лисичка-сестричка! Вот и я хвоста лишился, да как же быть! Иди за мною, я ещё покрепче тебя, буду тебя защищать.

Лисичка начала проситься в сани, но волк ей отказал и доказал, что и одному тесно. Нечего делать! Пошла лиса тихо за едущим волком. Пройдя немного, начала упрашивать, чтобы хотя одну лапку, самую разбитую, положить на сани, не более как лапку. Волк долго отнекивался, наконец согласился. Положивши лапку, лиса после долгих переговоров упросила и о другой, третьей, четвёртой, потом умолила волка иметь сострадание и к её хвосту, который так жалко волочился, и умостилась совсем в санках. Волк услышал, что санки трещат, и начал её упрекать.

— Это, волчику-братику, я орешки кусаю!

Поехали дальше; слышит волк, что санки опять трещат, и снова упрекает лису.

— Это, волчику-братику, я орешки кусаю!

Наконец санки совсем рассыпались.

Волк пошёл рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. От скуки она выела у лошади всю внутренность, напихала туда живых воробьёв и дырку под хвостом заткнула соломой. У волка сани поспели, и он запряг лошадь.

— Ну, ну; ну, ну! — лошадь ни с места.

Волк увидел, что из-под хвоста у лошади торчит солома, и сказал:

— Вот как обожралася, что и солома назад лезет!

Вытянул ее… воробьи выпорхнули, и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все ещё больною от побоев, после продолжительного спора убедила волка, чтобы он вез её в санках. Волк повёз и стал приговаривать:

— Битый битую везёт! Битый битую везёт!

А лисичка шепчет:

— Битый небитую везёт!

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— То я, волчику-братику, говорю: битый битую везёт!..

5.

Была сабе ліска і вельмі галодная. Бяжыць яна дак бяжиць, аж едуць рыбаловы; яна прытаілася, лягла на землю і ляжыць. Тые рыбаловы наглядзелі на ліску, і адзін, каторы ехаў ззаду, узяў тую ліску дый ўкінуў ў воз. Ліска, седзячі ў возе, прагрызла дзіру і, выкідаўшы ўсю рыбу праз тую дзіру, сама выскачыла, пападбірала рыбу, дый есць. Есць яна дак есць, аж прыходзіць воўк. «Што ты, кумко-галубко, ясі?» — «Рыбу, куме!» — «Дай же ж ты мне». — «Ото! Каб я табе давала! Пайдзі дый налаві». — «А гдзе ж я буду лавіць, калі не ведаю гдзе?» — «Вот ідзі за мною, то я табе пакажу». А

тымчасам дала воўку адну рыбку, каб ён рассмакаваўся, і павяла яго.

Прыходзяць яны да аднаго возяра замёрзлага. Ліска прабіла праломку дый каже да воўка: «Усадзі свой хвост ў гэтую праломку, то наберецца многа рыбы». Воўк, паслухаўшы хітрай ліскі, ўсадзіў хвост ў праломку і сядзіць. Лісіца, зрабіўшы тое, што хацела, зачала бегаць па возярі, крычаць: «Мерзні, мерзні, кумаў хвост!» — «Што гаворыш, кумко?» — каже воўк. «Я кажу, каб бралася рыбка маленькая і вялікая». Сядзеў воўк, сядзеў ў праломцы, аж покі не прымёрз хвост.

Ліска, ўбачыўшы, што кумаў хвост прымёрз, пабегла ў сяло даць знаць, каб воўка ішлі біць. Людзі, пачуўшы, што крычаць на воўка, пабеглі зараз з кіямі, з булавамі біць воўка. А кума пабегла ў хату, гдзе мясілі хлеб, укачалася ў ращыну, выбегла, села на стог дый сядзіць. А воўк, пачуўшы людзей, як зачаў рвацца, дый адарваў хвост, і сам ледва уцёк. Бяжыць ён дак бяжыць, аж бачыць, на стагу сядзіць ліска дый есць. «Кумко-галубко, бачыш, якая ты благая! Ашукала мяне. Хоць за тое дай што есці» — «На, лізні раз», — сказала ліска дый пазволіла раз лізнуць.

Воўк, лізнуўшы, захацеў другі раз дый ізноў зачаў прасіць щэ. «Не дам ужо больше, бо мне баліць, бо я ем сваі мазгі; калі хочеш есці, разганіся галавой ў сасну, разбі галаву дай ясі!» Той воўк ізноў паслухаў хітрай ліскі, пашоў ў лес, дый як разагнаўся аб сасну галавой, дак і забіўся на смерць. Ліска, ўбачыўшы, што воўк забіўся, пашла, з’ела ўсе мазгі воўка дай схавалася ў нару.

6.

Як була собі лисичка, да й пішла раз до однії баби добувать огню; ввійшла́ у хату да й каже: «Добрий день тобі, бабусю! Дай мені огня». А баба тільки що вийняла із печі пирожок із маком, солодкий, да й положила, щоб він прохолов; а лисичка се і підгледала, да тілько що баба нахилилась у піч, щоб достать огня, то лисичка зараз ухватила пирожок да і драла з хати, да, біжучи, весь мак із його виїла, а туда сміття наклала.

Прибігла на поле, аж там пасуть хлопці бичків. Вона і каже їм: «Ей, хлопці! Проміняйте мені бичка-третячка за маковий пирожок». Тії согласились; так вона їм гово́рить: «Смотріть же, ви не їжте зараз сього пирожка, а тоді уже розломите, як я заведу бичка за могилку; а то ви його ні за що не розломите». Бачите вже — лисичка таки собі була розумна, що хоть кого да

обманить. Тії хлопці так і зробили, а лисичка як зайшла за могилу, да зараз у ліс і повернула, щоб на дорозі не догнали; прийшла у ліс да і зробила собі санки да й їде.

Коли йде вовчик: «Здорова була, лисичко-сестричко!» — «Здоров, вовчику-братику!» — «Де се ти узяла собі і бичка і санки?» — «Е! Зробила». — «Підвези ж і мене». — «Е, вовчику! Не можна». — «Мені хоть одну ніжку». — «Одну можна». Він і положив, да од’їхавши немного і просить, щоби іще одну положить. «Не можна, братику! Боюсь, щоб ти саней не зламав». — «Ні, сестричко, не бійся!» — да і положив другую ніжку. Тілько що од’їхали, як щось і тріснуло. «Бачиш, вовчику, уже і ламаєш санки». — «Ні, лисичко! Се у мене був орішо́к, так я розкусив». Да просить оп’ять, щоб і третю ногу положить; лисичка і ту пустила, да тілько що оп’ять од’їхали, аж щось уже дужче тріснуло. Лисичка закричала: «Ох, лишечко! Ти ж мені, братику, зовсім зламаєш санки». — «Ні, лисичко, се я орішо́к розкусив». — «Дай же і мені, бачиш який, що сам їж, а мені і не даєш». — «Нема уже більше, а я б дав». Да і просить оп’ять, щоб пустила положить і послідню ногу. Лисичка і согласилась.

Так він тілько що положив ногу, як санки зовсім розламались. Тоді вже лисичка так на його розсердилась, що і сама не знала щоб робила! А як отошло серце, вона і каже: «Іди ж, ледащо! Да нарубай дерева, щоб нам оп’ять ізробить санки; тільки рубавши кажи так: «Рубайся ж, дерево, і криве і пряме». Він і пішов да й каже усе: «Рубайся ж, дерево, усе пряме да пряме!» Нарубавши і приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, як їй нужно, оп’ять розсердилась. «Ти, — гово́рить, — не казав, видно, так, як я тобі веліла!» — «Ні, я усе теє казав, що ти мені казала». — «Да чомусь не таке рубалось? Ну, сиди ж ти тут, а я сама піду нарубаю», — да і пішла у ліс.

А вовк дивиться, що він сам остався; узяв да проїв у бичка дірку да виїв усе в середині, а напускав туда горобців да ще соломою заткнув, поставив бичка, а сам і втік. Аж лисичка прихо́дить, зробила санки да й сіла і стала поганять: «Гей, бичок-третячок!» Тілько він не везе. От вона встала, щоб поправить: може, що не так запряжено; да, не хотячи, одоткнула солому, а оттуда так і сипнули горобці летіти. Вона уже тоді побачила, що бичок неживий; покинула його да й пішла.

Легла на дорозі, аж дивиться — їде мужик з рибою; вона і притворилась, що здохла. От мужик і говорить: «Во́зьму я оцю лисицю, обдеру да хоть шапку собі зошью». Узяв да і положив ззаді у воза. Вона замітила, що мужик не смотрить, стала ногами викидувать рибу з воза, а когда побачила, що

навикидала уже багато, тоди потихесеньку і сама злізла; сіла біля риби да і їсть собі, — коли біжить оп’ять той самий вовчик.

Побачивши, що вона їсть рибу, прибіг до їй да й каже: «Здорово була, лисичко-сестричко! Де се ти набрала стільки риби?» Вона каже: «Наловила, вовчику-братику!» А собі на думці: «Подожди, і я зроблю з тобою таку штуку, як і ти зо мною». — «Як же ти ловила?» — «Так, вовчику, уложила хвостик в ополонку, вожу тихенько да й кажу; ловися, рибка, мала і велика! Коли хочеш, то і ти піди, налови собі». Він побіг да зробив так, як казала лисичка. А лисичка стала за деревом да й дивиться; коли у вовчика зовсім хвостик примерз, вона тоді побігла в село да й кричить: «Ідіть, люди, вбивайте вовка!» Люди набігли з кольями да і убили його.

7.

Однажды лиса украла лошадь с полной сбруей с телегою и давай разъезжать пó лесу. Попадается ей навстречу медведь.

— Лисонька, посади меня, — говорит медведь.

— Садись, сиволапый черт!

Медведь сел. Поехали; попадается им волк.

— Лисонька, посади меня, — говорит волк.

— Садись, серый вор!

После того попадается навстречу косой заяц.

— Лисонька, посади меня, — говорит он.

— Садись, косой!

Вот и поехали вчетвером и запели песни.

Вдруг переломилась у них оглобля. Лисица говорит медведю:

— Ступай ты, Мишенька, принеси оглоблю.

Медведь пошёл пó лесу, только лес трещит; перевалял пропасть дерев, наконец выбрал самое большое, толстое дерево и принёс лисе.

— Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, серый волк! — говорит лисица.

Волк пошёл и принёс также целое дерево, но поменьше.

— И это не годится, — говорит лиса, — поди принеси ты, косой заяц!

Заяц пошёл и принёс пруточек.

— Все вы ничего не смыслите! Пойду уж сама, — говорит лисица.

Пока она ходила, медведь с волком и съели лошадь, а в шкуру лошадиную набили моху и опять запрягли как бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобельку; приходит к телеге, а уж на ней нет ни медведя, ни волка, ни зайца. Она переменила оглобельку и начала погонять лошадь, а та ни с места. Стала её дергать вожжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Слезла лиса с телеги, посмотрела на лошадь и увидала, что она набита мохом, а мясо всё съедено; поплакала-поплакала и опять стала ходить пó лесу пешком.

Повадилась лиса таскать из садков рыбу. Мужики догадались и решили изловить вора, а лиса, как сметливая баба, накравши в последний раз рыбки, пошла гулять пó лесу. Попадается ей навстречу серый волк.

— Что ты ешь, лисонька? — спрашивает волк.

— Рыбку, куманёк.

— Да где же ты её берёшь?

— Да сама ловлю.

— Да как же ты её ловишь? Научи-ка меня!

— Изволь, куманёк! Возьми ведро, привяжи к хвосту, да и опусти в прорубь: рыба и найдёт к тебе сама в ведро; только ты часа два посиди у проруби!

Волк так и сделал; но только часа через два хвост-то у него примёрз к проруби, так что он, как ни старался, — оторвать его не мог. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса к медведю в берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила их под себя и ела понемножку. Медведь однажды и спрашивает:

— Что ты, кумушка, ешь?

— Да что, куманёк, изо лба кишочки таскаю да и кушаю.

— И сладко? — спрашивает медведь.

— Сладко, куманёк.

— Дай-ка попробовать!

Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка и ну тискать себе изо лба кишочки, до тех пор надрывался, пока не околел. А лисица этому и рада. Ей и пищи на целый год, и мягкая постель, и тёплая конура.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984—1985.